

УДК-323:35(4)

DOI: 10.17072/2218-1067-2025-3-86-97

КООПТАЦИЯ, УСТУПКИ И РИСК ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ: ПОЧЕМУ РЕФОРМЫ УСИЛИВАЮТ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ?

Н. В. Борисова

Борисова Надежда Владимировна, доктор политических наук, доцент, научный сотрудник, Отдел по исследованию политических институтов и процессов, Институт гуманитарных исследований, Пермский федеральный исследовательский институт Уральского отделения Российской академии наук, Пермь, Россия.

E-mail: borisova_nv@psu.ru (ORCID: 0000-0002-4516-0820).

Аннотация

Рассматриваются институциональные и агентивные факторы неуспеха реформ-уступок, направленных на удовлетворение требований этнических движений за самоопределение (ДС). На основе бинарного сравнительного анализа четырех кейсов (Черногория vs Сербия и Фриулия-Венеция-Джулия vs Италия; албанское меньшинство vs Северная Македония и венгерское меньшинство vs Словакия) исследуются политико-исторический контекст, институциональные условия, структура и фрагментация ДС, специфика элит и стратегия кооптации со стороны правящих групп. В центре внимания – динамика взаимодействия между государством и этническим движением, выборные и управленческие стратегии элит, а также влияние институционального дизайна на устойчивость или, напротив, воспроизводство территориальной конфликтности. Автор показывает, что даже полностью реализованные реформы могут не привести к снижению конфликтности или угрозы территориальной целостности, если сохраняется высокая фрагментированность движений, влияет внешнее давление или кооптация носит инструментальный характер. Сделан вывод о комплексной роли политических акторов и политико-исторического и институционального контекста в (не)успехе реформ-уступок в условиях этнополитической напряженности.

Ключевые слова: движения за самоопределение; угроза территориальной целостности государства; политико-институциональные реформы Черногория; Сербия; фриульцы; северо-македонские албанцы.

Введение

Ориентируясь на результаты исследования Х. Фьельде и И. де Сойса¹ можно предположить, что политика ограничительных реформ усиливает угрозу территориальной целостности, в то время как политика уступок снижает вероятность ее сохранения или возникновения. Эмпирические данные о 183 разнообразных движениях за самоопределение (ДС) в 82 странах за 1991–2020 годы это ожидание подтверждают. Но выявлены 18 эпизодов реформ-уступок требованиям ДС с возросшим уровнем угрозы территориальной целостности страны. В трех из них реформы не сопровождали подавление или ограничение ДС: Конституционная хартия государственного сообщества Сербии и Черногории (2002 год), уравнивавшая их статусы; законы 2008–2011 годов об официальных языках в Северной Македонии в ответ на требования албанского ДС; создание в 2011 году Территориальной администрации Горкхаленда в ответ на требования горкхов в Западной Бенгалии в Индии. Эти реформы сопровождало обострение конфликта, а в случае Черногории не остановили ее выход из состава государства.

Исследование нацелено на определение причин неуспеха реализации реформ-уступок в отношении ДС, под которым понимается усиление угрозы территориальной целостности страны. Сначала на основе анализа исследовательской литературы, показаны возможные теоретические объяснения

© Борисова Н. В., 2025

¹ Х. Фьельде и И. де Сойса на примере данных о вооруженных конфликтах с 1961 по 2004 гг. (Gleditsch et al., 2002) различают потенциал принуждения (угрозы), потенциал кооптации (экономический потенциал) и потенциал сотрудничества (интеграционный потенциал) правительства. Они обнаружили, что вторая и третья стратегии являются более значимыми предикторами гражданского мира, чем стратегия принуждения (Fjelde, de Soysa, 2009: 5).

(не)успеха политико-институциональных реформ. Далее определены случаи для малоказусного сравнения, описаны стратегии участников конфликтов, их требования и реформы. На основе бинарного сравнения обсуждается возможная конфигурация политико-институциональных и агентивных факторов, определяющих (не)успех реформ-уступок.

Почему неуспешны реформы? Теоретические объяснения

Исследования этнополитических конфликтов показывают, что уровень конфликтности, сила требований, равно как и политико-институциональный ответ на них обусловлены прежде всего структурными факторами – характеристиками этнической миноритарной группы: ее размером, особенностями пространственной локализации и форматом сегрегированности (Toft, 2003; Горовиц, 2007; Liu, 2017; Панов, 2025; Борисова, 2017; Борисова, 2019). Большее значение для (не)успешности реформ как ответа на требования ДС имеют факторы, связанные с этнической структурой общества. Но если «вывести за скобки» роль структурных характеристик, то какие иные факторы и в какой конфигурации оказывают влияние на (не)успех реформы?

Ж.-Ф. Верн и П. Дюран, работая с концептом «пути зависимости», пишут, что успех реформы обеспечивают экзогенные шоки или накопленные эндогенные условия (Vergne, Durand, 2010). При этом их объяснение дает ответ на вопрос о том, *что блокирует имплементацию реформы*. Запуская реформы-уступки в результате внутреннего давления (СРЮ, Индия) или внешнего принуждения (Северная Македония) в контексте «экзогенного шока» (Косовский конфликт для Северной Македонии), реформаторы (национальные правительства) «выходили из колеи». Л. Гросс и С. Гримм на примере современной Хорватии показывают, что провал реформы не всегда связан только с дефицитом институционального потенциала или внешним давлением: спор может возникать вокруг масштабов реформ между внутренними и внешними акторами, несмотря на согласие в целях (Groß, Grimm, 2016: 139–140). В нашем случае, однако, реформы признаются успешными и полностью реализованными, поэтому объяснение Гросса и Гримма неприменимо.

Ж.-П. Фаге и М. Шами на основе «концепции инструментальной несогласованности» показывают, что различия в реализации похожих реформ обусловлены внутренней консолидированностью и способностью сторон формировать коалиции (Faguet, Shami, 2022: 82–83). Теория политической кооптации описывает включение оппозиции во власть как стратегию автократа по ослаблению и обеспечению лояльности оппозиции (Gandhi, Przeworski, 2006; Gerschewski, 2013). Кооптация, фрагментируя и маргинализируя оппозицию, способствует выживаемости режима (Schedler, 2006; Bunce, Wolchik, 2011; Шкель, 2015). Вне зависимости от типа режима ее можно рассматривать не только в качестве механизма «поглощения» политических оппонентов, но как стратегию взаимодействия правящей элиты и оппозиции: первая вовлекает вторую в принятие решений и реализацию реформ, делегируя ей ответственность, а оппозиция ищет признание и доступ к ресурсам (Trumpy, 2008). Кооптация, в отличие от подавления, хотя и позволяет власти достигать целей с меньшими затратами, фрагментируя оппозицию, но чревата риском ослабления самой власти. М. Грабевник выделяет три класса практик кооптации ДС в современной Европе: устойчивые правительственные кооптации высокой степени с разными партиями; кооптации средней степени – с одним или близкими идеологически партнерами; минимальные кооптации с разными партиями власти, но с приоритетными союзниками (Грабевник, 2025a). Его наблюдения объясняют многообразие кооптационных практик и их детерминанты, но не проясняют, как выбор кооптационной стратегии соотносится с сохранением или усилением угрозы территориальной целостности при проведении реформ-уступок.

Анализ литературы позволяет сформулировать гипотезу о том, что при относительно похожих структурных условиях и характеристиках ДС территории, от имени которой оно выступает, (не)успех реформ-уступок обусловлен конфигурацией политических контекстных и агентских факторов, а именно: политико-исторический контекст политико-территориального конфликта, стратегии взаимодействия между собой субъектов этого конфликта (ДС и правительства), а также институционально-политическая организация арен этого взаимодействия (партийная и электоральная системы).

Дизайн исследования и выборка

Для проверки гипотезы было проведено бинарное сравнение четырех случаев реформ-уступок в ответ на требования этнических ДС метода поиска различий при максимальном сходстве. Подобраны случаи, отвечающие следующим критериям сходства: (1) ДС является этническим, а (2) политико-

институциональные реформы содержательно отвечают признакам «реформ-уступок»²), но при этом результаты (динамика угроз целостности) являются разными (динамика уровня угрозы)³. Для подбора «пары» учитываются: наличие / отсутствие статуса автономной административно-территориальной единицы (АТЕ) субнационального уровня; его географическое положение и природоресурсные характеристики; наличие / отсутствие у ДС родственного государства; сходство этнической структуры (доля группы и ее «концентрация в населении АТЕ, от лица которой выступает ДС»⁴. Случай «Черногория vs Сербия» имеет сходство с кейсом «Фриулия-Венеция-Джулия vs Италия»; случай «албанское меньшинство vs Северная Македония» похож по структурным характеристикам на «сербское меньшинство в Хорватии», а также «венгерское меньшинство в Словакии». «Бодо vs Ассам» потенциально похож на случай «горкхи vs Западная Бенгалия». Но с учетом значительной разницы в концентрации группы в составе населения⁵ было принято решение не включать их в анализ.

АТЕ, в границах которой действует ДС, в случае Черногории является субъектом федерации с момента образования Союзной Республики Югославии (после распада СФРЮ) и до преобразования ее в 2002 году в Союзное государство Сербии и Черногории. До 2006 года Черногория являлась членом конфедерации. Фриулия-Венеция-Джулия – автономный регион в составе современной Италии. Фриулия-Венеция-Джулия, Сицилия, Сардиния, Трентино-Альто-Адидже и Валле-д’Аоста в 1970–2010 годах имели особый статус, закрепленный ст. 116 Конституции, региональными статутами. В обоих случаях ДС действует на территории всего АТЕ, от имени которого выступает ДС. АТЕ расположен на границе с другими государствами; ДС не имеет родственного государства. Разница между черногорцами и фриульцами по «концентрации в населении АТЕ» составляет около 4,5 пунктов (75 и 79,41 соответственно).

Случай «албанцы vs Северная Македония» сравним с ДС сербов в Хорватии и венгров в Словакии. Здесь ДС действует в границах ординарных АТЕ второго субнационального уровня – муниципалитетах на границе с другими государствами, в т.ч. родственными. Наименьший показатель концентрации этнической группы в населении АТЕ у сербов (38,61). Между концентрацией венгров и албанцев обнаружена разница почти в 20 пунктов (57,19 и 76,73 соответственно). Но в обоих случаях этот показатель более 50. В случае хорватских сербов нужно учитывать их фактический исход из страны после Войны в Сербской Краине (1995 год). Согласно Переписи населения 1991 года, доля сербов в т.н. Сербской Краине (1991–1995 годы) составляла около 90 %, а после этнических чисток и исхода упала, по данным Переписи 2001 года, до 8,7 % (Млечко, 2018). Уменьшение доли группы, от лица которой выступает ДС, снижает его политический вес и ресурсность.

Окончательную выборку для сравнения составляют две пары случаев: 1) «Черногория vs Сербия» и «Фриулия-Венеция-Джулия vs Италия»; 2) «албанское меньшинство vs Северная Македония» и «венгерское меньшинство vs Словакия». Далее на основе двух бинарных сравнений объясняется, почему в сходных структурных условиях ДС имеют разную силу и выдвигают разные требования⁶?

Национальное самоопределение или региональная автономия? Сравнительный анализ Черногории и Фриулии-Венеции-Джулии

Черногория vs Сербия. Федерализация Югославии в 1974 г. была ответом на рост региональных диспропорций и угрозу этнополитических конфликтов, а также инструментом ослабления Сербии через наделение Воеводины и Косова автономией и правом вето на ее решения (Романенко, 2009). После смерти Тито союзные республики воспользовались правом на самоопределение, запустив распад Социалистической Федеративной Республики Югославии (СФРЮ), в ходе которого Сербия и Черногория создали СРЮ, в которой стремление С. Милошевича к политическому доминированию ограничило их равноправие. Во второй половине 1990-х годов Черногория инициировала са-

² Эмпирическая фиксация характера реформы: решение принято в виде нормативного акта с учетом требований ДС и имплементировано в полной мере.

³ Эмпирическая фиксация динамики угрозы при наличии одного из условий: 1) произошла сецессия; 2) ДС получило фактический контроль над территорией, где оно действует; 3) ДС приняло Декларацию о независимости; 4) ДС организовало и провело референдум по вопросу о независимости; 5) насильственный характер конфликта; 6) есть «значимые» сецессионистские партии или движения.

⁴ $Conc = Nr / Nc$, где Nr – численность этнической группы на территории, где действует ДС; Nc – численность этой же этнической группы в составе всей страны.

⁵ «Концентрация групп» составляет 29,25 и 64,73 % соответственно.

⁶ Требования ДС фиксировались по эпизодам; начало каждого эпизода определялось по дате новой реформы-уступки как ответа на требования ДС.

мостоятельную внешнюю политику, что в условиях косовского конфликта стимулировало идеи конфедерализма и требования институционализации паритетного представительства в союзных органах. Осенью 1999 года Черногория приняла Закон о гражданстве Черногории. Под руководством М. Джукановича «Демократическая партия социалистов» («ДПС»)⁷ взяла курс на сближение с Западом, что спровоцировало раскол партии. Для сохранения электоральной поддержки «ДПС» сосредоточилась на лозунгах о самостоятельности Черногории («За Черногорию»), которые в условиях конфликта в Косове (1998 год), расположенном на границе с Черногорией, оказались популярны.

К победе на выборах президента Черногории в 1998 г. Джуканович пришел, обещая решить экономические проблемы за счет помощи от Евросоюза, что контрастировало с политикой С. Милошевича. Победу на выборах в скупщину Подгорицы 2000 года одержала коалиция «За лучшую жизнь» во главе с «ДПС»⁸. Черногорские албанцы, выступая с требованием самоуправления для этнических общин (Клименко, 2017) в контексте косовского конфликта поддерживали Джукановича в его оппозиции политике Белграда в отношении Косова. Сепаратистские настроения в Черногории стимулировались албанским фактором в Сербии в целом. С 2000 года черногорские политики бойкотировали работу федеральных институтов, отказываясь выполнять союзные законы, а также экономически дистанцируясь от Белграда. «ДПС» все активнее продвигала идею независимости, и в 2001 году она стала частью ее программы.

В 2002 году при посредничестве Евросоюза (ЕС) было подписано Белградское соглашение, формализовавшее паритет Сербии и Черногории⁹ и закрепившее право на выход через референдум¹⁰. В 2006 году Черногория провела референдум: 55,5 % проголосовали за независимость (особенно высокой поддержка была в албанских районах)¹¹. Белградские политики и политологи¹² отмечали, что на референдуме 2006 года на избирательных участках использовались технологии «каруселей» и подвоза избирателей, указывая на то, что разница между сербом и черногорцем не столь очевидна, сколь между сербом и албанцем / венгром. Сербия признала независимость Черногории. Как отмечает А. Соколов, причинами выхода стали неэффективные механизмы урегулирования споров и неспособность сторон согласовать интересы (Соколов, 2008).

Фриулия-Венеция-Джулия vs Италия. Фриулия-Венеция-Джулия была образована в 1954 году путем объединения исторических провинций Фриули и Венеции-Джулии (Мартынова, 2016). Опыт насильственной итальянизации в годы Второй мировой войны и политическая нестабильность на восточной границе после нее вызвали движение за расширение самоуправления и защиту этнокультурных прав фриульского, словенского и немецкоязычного населения. В 1963 году регион получил автономный статус¹³, обеспечивший гарантии прав меньшинств и территориальную интеграцию разных территорий (Сулимов, б.д.). Однако объем автономии был меньше, чем, например, у Трентино-Альто-Адидже, что повлияло на дальнейшие требования к расширению полномочий региона (Сулимов, 2024).

В 1966 году во Фриулии-Венеции-Джулии была создана первая регионалистская партия – «Движение за автономию Фриулии» («ДАФ»), которая выступала за расширение автономии, защиту фриульской культуры и языка. В 1991 году она уступила место «Фриульской Лиге» («ФЛ»). Лидеры «ДАФ» вошли в состав «ФЛ», которая возглавила региональное правительство, успешно участвуя в выборах 1993 и 1998 годов¹⁴. В 1990–2000-х годах появлялись и другие регионалистские партии, но их электоральный успех был невелик. В 1993 году в выборах участвовала «Лига автономной Фриулии», в 1998 году – «Единая Фриулия» и «Проект Автономии», в 2003 году – «Свобода и автономия». В целом ДС Фриулии-Венеции-Джулии оставалось фрагментированным, а «ФЛ» интегрировалась в проект «Лиги Севера» («ЛС»), которая в 2010-х фактически стала общенациональной партией (Albertazzi et al., 2018).

⁷ «ДПС» – правопреемница «Союза коммунистов Черногории», правящая партия с 1991 по 2020 г.

⁸ В коалицию также вошли «Социал-демократическая партия» и «Народная партия».

⁹ Agreement on Principles of Relations between Serbia and Montenegro within the State Union, 2002. Belgrade, 14 March.

¹⁰ Белградское соглашение отвечало интересам ЕС, а Черногория настаивала на независимости (Darmanović, 2006: 16). Конституционная хартия Государственного сообщества допускала сецессию через референдум не ранее чем через три года с согласованием спорных вопросов. См.: Конституционная Хартия Государственного сообщества Сербия и Черногория, б.д.

¹¹ Centar za monitoring Cemi (2006) *Konačni rezultati Referenduma u Crnoj Gori / RefeRendum u CRnoj GoRi 2006*. Podgorica: Centar za monitoring Cemi, p. 115.

¹² Экспертные интервью (2023). Белград. [Архив автора].

¹³ Treaty No. 3297 (n.d.) United States of America, United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland, Italy and Yugoslavia. In: *Treaties and international agreements registered or filed and recorded with the Secretariat of the United Nations*, pp. 99–119.

¹⁴ Friuli. General information (2021) [online], *Nationalia*, October. Available at: <https://nationalia.info/region/11519> (accessed: 11 May 2025).

«ЛС» стала одним из авторов регионалистских реформ, начавшихся в 1997 году, которые затронули как автономные, так и ординарные регионы (Сулимов, 2024). Реформа изменила распределение полномочий: в случае ординарных регионов были выделены сферы центра и совместных компетенций, остальные остались за регионами. Для автономий сохранился перечень их полномочий, а остальное – у государства по остаточному принципу¹⁵. В результате полномочия ординарных регионов приблизились к автономиям, а по спорным вопросам автономные регионы вели переговоры с Римом и обращались в Конституционный суд.

Основные требования «ФЛ» и других регионалистских партий региона в 1990-е годы включали реальную имплементацию автономии, перераспределение полномочий / ресурсов, а также расширение этнокультурных прав фриульского сообщества. «ФЛ» апеллировала к опыту более успешного Трентино-Альто-Адидже. Показательно, что в 2000-е и 2010-е годы все так же актуальными остаются требования защиты и гарантий фриульского языка, лучшей имплементации автономии, а также торг с центром по списку полномочий, оставшихся не закрепленными в результате реформы рубежа 1990–2000-х годов.

Сравнение черногорского и фриульского ДС обнаруживает разную силу и степень радикальности их требований при сходных структурных параметрах. Почему ДС ведут себя по-разному? Во-первых, выявлен принципиально разный политико-исторический контекст. Конфликт между сербской и черногорской элитами – наследницами республиканских партий «Союза коммунистов Югославии» – был сопряжен с распадом СФРЮ и в значительной степени стимулировался великосербским национализмом, который черногорцы рассматривали как угрозу для своего политического статуса – энтитета в составе союза (федерации). Их интенция защитить свой статус подпитывалась, с одной стороны, конфликтом в Косове, а с другой – интеграцией соседей (бывших республик СФРЮ) в ЕС. В этих условиях черногорская политическая элита артикулировала требования большей автономии и для их продвижения использовала этничность как инструмент политической борьбы с Белградом. Отсутствие сколько-нибудь значимых языковых и конфессиональных отличий между черногорцами и сербами вкупе с восприятием себя как равного сербам народа стало стимулом перевода черногорской этничности в черногорский национализм. Проект по конструированию «черногорской нации» работал на внутриэлитную консолидацию, преодоление негативных последствий раскола, а также его поддержку в обществе. Пример Черногории показывает, что конфликт равных в ресурсном и статусном отношении групп элит в условиях процесса нациестроительства, отягощенного внешним силовым конфликтом, блокировал действенность реактивных реформ-уступок.

Артикуляция требований фриульского ДС происходила в принципиально ином политико-историческом контексте и институциональных условиях. Исторически сложившаяся практика «торга с центром» не просто фрагментировала региональные ДС, в т.ч. и фриульское, но усиливала разобщенность ДС разных регионов, вынужденных быть больше включенными в «билатеральные отношения с центром», чем в отношения друг с другом. Последнее, как отмечает К.А. Сулимов, обуславливает асимметрию фактических статусов регионов и даже дивергенцию их усилий во взаимодействии с центром (Сулимов, 2004: 131). Косвенно это подтверждает фактический отказ «ЛС» (с 2018 года – «Лиги») от регионалистских требований. Заняв позиции правящей партии, «Лига» привнесла в повестку вопросы федерализации, но под влиянием практик билатеральных отношений с центром конституционные референдумы 2006 и 2016 годов не получили консолидированную поддержку регионов, не имевших очевидных стимулов выступать скоординированно в споре с центром за автономию.

Во-вторых, выявлен разный институционально-политический статус ДС как политических акторов. Реформа в Италии носит универсальный характер, а политика реформ является проактивной в отношении разных ДС, среди которых фриульское не самое сильное. Несмотря на автономный статус, субъектность Фриулии-Венеции-Джулии в Италии имеет принципиально иную природу и силу, нежели Черногории по отношению к Сербии. Спор черногорских и сербских элит – это спор формально равностатусных политических акторов. Джуканович и его сторонники апеллировали к С. Милошевичу, видя в нем своего рода «соседа по коммуналке», который единолично определил расписание приготовления обеда на кухне, которая является имуществом совместного пользования. Используя метафору о коммунальной квартире в отношении фриульцев, можно говорить о том, что они спорили не с соседом(ями), а с собственником квартиры. Более того, реальный политический статус

¹⁵ Пакет законов Бассанини (1997–1998) заложил основы современной децентрализации и расширил автономию регионов Италии. Конституционный закон 1/1999 усилил права ординарных регионов, изменил их избирательную систему и процедуры утверждения статута. Конституционный закон 2/2001 определил статус и полномочия автономных регионов, а закон 3/2001 внес важные изменения в Конституцию по вопросам политико-территориального устройства страны (Риччери, 2009).

Фриулии-Венеции-Джулии и этнокультурные права фриульцев воспринимаются ими как недостаточно имплементированные в сравнении с более ресурсными соседями по коммуналке – вальдестанцами или южными тирольцами. Пожалуй, можно охарактеризовать позицию фриульского ДС как вынужденного ориентироваться на ДС-«локомотивы» и догонять их.

В-третьих, важны особенности партийных систем. В СРЮ во второй половине 1990-х – начале 2000-х годов в условиях распада СФРЮ и процесса нациестроительства национальная партийная система только формировалась. Итальянскую партийную систему отличает наличие сильных национальных партий: даже регионалистская сильная «ЛС» не была связана исключительно с одним автономным регионом, а была «зонтиком» для других региональных партий, которые она если не формально, то фактически поглощала. Именно так было с «ФЛ», что дополнительно обуславливало ее сравнительную слабость как организационной структуры фриульского ДС.

Эффекты институциональной кооптации ДС в Северной Македонии и Словакии

Албанское меньшинство vs Северная Македония. Косовский конфликт и идея албанской ирреденты¹⁶ способствовали радикализации албанского движения в Северной Македонии. В 1999 году на фоне событий в Косове была создана «Армия национального освобождения» («АНО»), которая в 2001 году под руководством А. Ахмети начала вооруженное противостояние в северо-западных регионах, закончившееся разоружением при содействии НАТО в августе 2001 года.

Основные албанские партии: 1) «Демократический союз за интеграцию» («ДСИ») – крупнейшая и проевропейская партия; 2) правоцентристская «Демократическая партия албанцев» («ДПА»), теряющая влияние с конца 2010-х; 3) организованный после раскола «ДПА» «Альянс албанцев» («АА»), выступающий за полное равенство албанцев и македонцев; 4) новое «Движение Беса». Охридское соглашение 2001 года, подписанное при поддержке ЕС и США, закрепило пропорциональное представительство, языковые права и расширенную автономию муниципалитетов, включая ко-официальный статус языков, на которых говорит более 20 % населения¹⁷.

В 2006–2011 годах правящая общенациональная «Внутренняя македонская революционная организация – Демократическая партия за македонское национальное единство» («ВМРО–ДПМНЕ») сформировала коалиции с разными албанскими партиями. В 2006 году ее партнером по коалиции стала миноритарная «ДПА», что стимулировало протесты в албанских муниципалитетах. В результате «ВМРО–ДПМНЕ» начала переговоры с «ДСИ» для поддержания курса на интеграцию в ЕС и НАТО. В 2007 году был принят Закон о сбалансированном региональном развитии¹⁸. После неудачи заявки в НАТО и из-за внутреннего кризиса в 2008 году последовали внеочередные выборы: вновь победила «ВМРО–ДПМНЕ», но уже в коалиции с «ДСИ». Это, однако, не помешало столкновениям в албанских территориях. Конфликт был частично очередной сглажен кооптацией «ДСИ», а также разработкой и принятием в 2008 и 2011 годах законов о языке, в т.ч. о наделении языка этнической группы, доля которой в составе муниципалитета составляет более 20 %, статусом официального¹⁹.

В 2012–2016 годы продолжались этнические столкновения и теракты. В 2014 году «ВМРО–ДПМНЕ» вновь победила на выборах, «Социал-демократический союз Македонии» («СДСМ») бойкотировал процесс, обвинив власти в фальсификациях. Осенью «АНО» совершила вооруженные нападения на здание правительства и офис «ДСИ», обвинив партию в коллаборационизме с властью. Весной 2015 года прошли массовые антиправительственные протесты, после чего при посредничестве ЕС было создано переходное правительство (Прзинское соглашение). В Куманово произошли вооруженные стычки с участием «АНО» и выходцев из Косова.

Отношения этнических албанцев и Скопье характеризуются сохраняющимся высоким уровнем конфликтности даже в условиях разработки и полной имплементации реформ-уступок требованиям ДС.

¹⁶ В 1995 г. форум албанских интеллектуалов Косовы принял Меморандум, считающийся «общенациональной программой албанского движения в Крае». Непризнание албанцев нацией Берлинским конгрессом 1878 г., считали авторы Меморандума, обрекло их на территориальную разделенность (Романенко, 2009).

¹⁷ Ohrid Framework Agreement (2001), 13 August.

¹⁸ Law on Balanced Regional Development No. 24/2021 (2021), Final version.

¹⁹ Zakon za izmenu na Zakono za Upotreba na jazikot koj go govori barame 20 % od gradjanite na Republika Makedonija i na edinicite na lokalnata samouprava (2011), *Služben Vesnik*, 100/2011, 25 jul.

Венгерское меньшинство vs Словакия. Политико-исторический контекст этнополитической конфликтности и реформ, направленных на ее снижение, в Словакии сопоставим с балканскими случаями. Пережив «мирный развод» с Чехией (1993 год), страна оказалась перед вызовами нациестроительства. Период с начала 1990-х по 1998 год ознаменовался партийным противостоянием по линии сторонников и противников правительства В. Мечьяра (цит. по: Мартинкович, 2021: 196), проводившего достаточно националистическую политику, ограничившую права венгерского меньшинства (Грабевник, 2025b: 304). Реформы 1990-х годов в Словакии²⁰ похожи на реформы-рестрикции Ф. Туджмана в Хорватии. Они изменили административно-территориальное деление и усилили контроль центра над регионами, который аккумулировал право вето на изменения регионального законодательства (Там же: 305). В 1990-е годы венгерское ДС в Словакии было фрагментированным: его составляли «Венгерское христианско-демократическое движение», «Венгерская гражданская партия» и «Венгерская либеральная партия». Их объединяло требование предоставить венграм культурную и территориальную автономию (Tokár, 2014). Создаваемые ими коалиции были следствием тактических решений по достижению представительства в парламенте (Everet, Redzic, 2021).

Изменения произошли в 1998 году, когда новый антикоалиционный закон о запрете на электоральные коалиции, вынудил венгерские партии объединиться вокруг идеи об отмене закона о языке 1995 года и создать «Партию венгерской коалиции» («ПВК») (Harris, 2007). На выборах 1998 года не было победителей, но был проигравший – «правительственная коалиция во главе с Мечьяром» (Щербакова, 2004: 100), а участие ДС единой партией позволило претендовать на место в правительстве со «Словацким демократическим и христианским союзом – Демократической партией» (Everet, Redzic, 2021). Коалиционное правительство инициировало реформы-уступки (законы о языке этнических меньшинств и автономии без изменения административно-территориального деления) (Harris, 2007). С 1998 по 2008 год «ПВК» выступала за институционализацию в территориях концентрированного проживания венгров автономной этнической АТЕ – повята Комарно (Tokár, 2014). Однако это требование не получало поддержки внутри правительственной коалиции, что стимулировало внутри ДС разногласия по вопросу о стратегиях достижения целей и фактическую борьбу за лидерство.

Принятие в 2009 году поправок в закон о языках этнических меньшинств расширило обязательное использование словацкого в общинах с долей из носителей менее 20 %. Это вызвало массовые протесты этнических венгров и «предметные международные переговоры» с Венгрией как родственным государством (Грабевник, 2025b: 307). Словакия вынуждена была отменить закон. Но это не остановило раскол «ПВК». Группа партийцев во главе с Б. Бугаром создала венгерскую партию «Мост», продвигающую идею единой нации на основе межэтнического согласия венгров и словаков. Фрагментация венгерского ДС продолжилась в 2010-е годы, а действующие венгерские партии («Мост», «Венгерский альянс», «ПВК») остаются электорально слабы (Everet, Redzic, 2021).

Сравнение албанского и венгерского ДС в Северной Македонии и Словакии также обнаруживает существенные различия. Во-первых, на первый взгляд одинаковый политико-исторический контекст распада страны по-разному преодолевался национальным правительством и ДС. Если распад СФРЮ на всех ее частях (кроме Словении) проходил с применением насилия, то «развод» Чехии и Словакии был мирным. В Северной Македонии эти процессы были отягощены конфликтом в Косове, который питал идеологический проект «Великой Албании». Его ведущим носителем является сама Албания (Туров, 2014), позиция которой в качестве родственного ДС государства принципиально отличается от позиции Венгрии в отношении своей kin-group в странах, расположенных в границах бывшей Австро-Венгрии. Проект «Великой Венгрии» в 1990–2020-е годы, являющийся частью политики правящей «ФИДЕС» В. Орбана, в отличие от ирредентистского албанского, является интегративным трансграничным проектом. Его механизмы – предоставление гражданства, социальная помощь и адвокати́рование в институтах ЕС культурных и языковых прав этнических венгров, проживающих за пределами страны (Жириков, Барабанов, 2013). Если Тирана руководствуется идеей исправления «исторической несправедливости» и оспаривает границы государств, переживающих вызовы нациестроительства, то Будапешт движим памятью об имперском прошлом, воссоздание которого означало бы конфликт с ведущими странами ЕС, а потому выбирает инструменты мягкой силы во взаимодействии с «материнскими государствами» своих диаспор. Таким образом, для неуспеха реформ-уступок требованиям ДС, по-видимому, значимо наличие внешних акторов, способствующих радикализации требований. В случае Северной Македонии это не просто наличие родственного ДС

²⁰ 221 Zakon júla 1996 o územnom a správnom usporiadaní Slovenskej republiky (1996), *Slov-Lex*; 222 Zakon júla 1996 o organizácii miestnej štátnej správy a o zmene a doplnení niektorých zákonov (1996), *Slov-Lex*; 270 Zakon novembra 1995 o štátnom jazyku Slovenskej republiky (1995), *Slov-Lex*.

государства, но ее политика в отношении диаспор, а также косовары в Сербии, пример которых в использовании насильственных методов борьбы представляется нормативно приемлемым как минимум для части албанского ДС.

Во-вторых, в Северной Македонии, в отличие от Словакии, разработка и реализация реформы происходила через институциональное принуждение со стороны внешних игроков – НАТО и ЕС. Его проводниками были общенациональные партии, чьи электоральные возможности и успех всегда оказывались в зависимости от настроений албанского меньшинства и позиций партий, представляющих его интересы. Здесь мы обнаруживаем третье отличие – особенности национальной партийной системы. В Северной Македонии идеологические позиции национальных партий не позволяли формировать коалиционное правительство друг с другом и вынуждали партию-победительницу искать поддержки у албанских партий. Последние инструментально использовали «европейскую повестку» для усиления своих позиций в правительстве. Таким образом, обе стороны выбирали стратегию институциональной кооптации, которая вкупе с политикой родственного государства поддерживала относительную поляризованность ДС через сохранение в нем радикально настроенных сторонников ирреденты.

В Словакии антикоалиционный закон 1998 года, институционально ограничив партийную фрагментацию, стимулировал этнические партии к коалиционному взаимодействию через создание «ПВК». Это, наряду с политикой мягкой силы со стороны «родственного государства» и усталостью общества от мечьяризма, ситуативно усилило ДС, и Братислава была вынуждена с ним считаться. ДС и национальное правительство также используют стратегию кооптации, которая, обеспечив успех реформы, стимулировала последующую фрагментацию венгерского ДС, усиленную в 2012 году созданием по итогам парламентских выборов однопартийного правительства. Однако уже после выборов 2016 года вновь было сформировано коалиционное правительство во главе с Р. Фицо, в которое вошли и представители партии «Мост». В 2021 году «Мост» объединился с «ПВК» и «Сопринадлежностью», образовав новую партию – «Альянс». Таким образом, стратегия институциональной кооптации *в условиях поляризованной многопартийности* оборачивается для ДС «качелями» от фрагментации к коалиции и обратно.

Заключение

Сравнительный анализ случаев политико-институциональных реформ-уступок требованиям этнических ДС позволил выявить ключевые ограничения контекстуального и агентивного характера, препятствующие снижению угрозы территориальной целостности государства даже в случае выполнения требований ДС. Изученные случаи демонстрируют, что сам по себе институциональный контекст и объем предоставленных уступок еще не гарантируют успех. Решающую роль в (не)успехе реформ-уступок играют стратегии и мотивация политических элит как внутри властных институтов, так и самих ДС, а эффекты кооптации по-разному работают на их фрагментацию и ослабление в зависимости от особенностей партийной системы. Поддержка «родственного» государства, а также внешнее давление способны усиливать конфликтный потенциал даже при институционально совершенных моделях уступок.

Результаты исследования свидетельствуют о необходимости учитывать не только структурные параметры (размер и концентрация этнической группы, географические и административные особенности региона ее проживания), но и динамику политико-институционального контекста, заинтересованность и координацию элит, реальную степень кооптации и каналов политического участия. Только сбалансированное сочетание институциональных реформ с инклюзивными стратегиями взаимодействия и долгосрочным участием элит обеих сторон снижает конфликтность и обеспечивает территориальную целостность и баланс в межатнических отношениях.

Финансовая поддержка

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00530, <https://rscf.ru/project/23-18-00530/> (проект «Почему заимствуют неэффективные институты? Управление политико-территориальной гетерогенностью и обеспечение территориальной целостности государства») в Пермском федеральном исследовательском центре УрО РАН.

Список литературы / References

- Борисова, Н. В. (2017) *Когда языки в огне: оспаривание языковых режимов как вызов балансу в межэтнических отношениях*. Москва: Политическая энциклопедия. 189 с. [Borisova, N. V. (2017) *Kogda yazyki v ogne: osparivanie yazykovykh rezhimov kak vyzov balansu v mezetnicheskikh otnosheniyah* [When languages are on fire: challenging language regimes as a challenge to balance in inter-ethnic relations]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya. 189 p. (In Russ.)].
- Борисова, Н. В. (2019) 'Языковая преференциальная политика и политика языка в этнических республиках России: представление базы данных', *Вестник Пермского университета. Политология*, 13(3), сс. 99–110. [Borisova, N. V. (2019) 'Yazykovaya preferentsial'naya politika i politika yazyka v etnicheskikh respublikah Rossii: predstavlenie bazy dannyh' [Language preferential policy and language politics in ethnic republics of Russia: the database presentation], *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya*, 13(3), pp. 99–110. (In Russ.)]. DOI: 10.17072/2218-1067-2019-3-99-110.
- Горовиц, Д. (2007) 'Структура и стратегия этнического конфликта', *Власть*, 2, с. 34. [Horovitz, D. (2007) 'Struktura i strategiya etnicheskogo konflikta' [Structure and strategy of ethnic conflict], *Vlast*, 2, p. 34. (In Russ.)].
- Грабевник, М. (2025a) Кооптация движений за самоопределение в государствах современной Европы как механизм управления политико-территориальной гетерогенностью, *Политическая наука*, 3. [В печати]. Grabevnik, M. (2025a) 'Kooptatsiya dvizhenij za samoopredelenie v gosudarstvakh sovremennoj Evropy kak mehanizm upravleniya politiko-territorial'noj geterogennost'yu' [Cooptation of self-determination movements in contemporary European states as a mechanism of managing political-territorial heterogeneity], *Politicheskaya nauka*, 3. [Forthcoming]. (In Russ.)].
- Грабевник, М. В. (2025b) 'Сценарии институционального реформирования в отношении венгерских территориальных сообществ: сравнительный анализ Румынии, Словакии и Сербии', *Ars Administrandi (Искусство управления)*, 17(2), сс. 295–320. [Grabevnik, M. V. (2025) 'Stsenarii institutsional'nogo reformirovaniya v otnoshenii vengerskikh territorial'nyh soobshchestv: sravnitel'nyj analiz Rumynii, Slovakii i Serbii' [Institutional Reforms Scenarios for Hungarian Territorial Communities: A Comparative Analysis of Romania, Slovakia and Serbia], *Ars Administrandi (Iskusstvo upravleniya)*, 17(2), pp. 295–320. (In Russ.)]. DOI: 10.17072/2218-9173-2025-2-295-320.
- Жиляков, И. Г., Барабанов, М. В. (2013) 'Проект «Великая Венгрия» в политике современных венгерских правых партий', *Вестник МГПУ. Исторические науки*, 2(12), сс. 87–95. [Zhiryakov, I. G., Barabanov, M. V. (2013) 'Proekt «Velikaya Vengriya» v politike sovremennykh vengrskikh pravyykh partij' [Project «Great Hungary» in the policy of contemporary Hungarian right-wing parties], *Vestnik MGPU. Istoricheskie nauki*, 2(12), pp. 87–95. (In Russ.)].
- Клименко, З. (2017) 'Албанский вопрос в Черногории', *Проблемы истории, филологии, культуры*, 4, сс. 309–334. [Klimenko, Z. (2017) 'Albanskiy vopros v Chernogorii' [The Albanian question in Montenegro], *Problemy istorii, filologii, kul'tury*, 4, pp. 309–334. (In Russ.)].
- Мартинкович, М. (2021) 'Развитие партийной системы и характер коалиционных правительств Словакии в 2006–2016 гг.', *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*, 60, сс. 194–205. [Martinkovich, M. (2021) 'Razvitie partiynoy sistemy i kharakter koalitsionnykh pravitelstv Slovakii v 2006–2016 gg.' [Development of the party system and the character of coalition governments in Slovakia in the years of 2006–2016], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, 60, pp. 194–205. (In Russ.)].
- Мартынова, М. Ю. (2016) 'Модель Триеста и население итальяно-славянского пограничья', в: Кабицкий, М. Е. и Мартынова, М. Ю. (ред.) *Европа меньшинств – меньшинства в Европе: Этнокультурные, религиозные и языковые*

- группы. Москва: ИЭА РАН, сс. 150–155. [Martynova, M. Yu. (2016) 'Model' Trieste i naselenie italyano-slavyanskogo pogranič'ya' [The Trieste Model and the Population of the Italo-Slavic Borderland], in: Kabitsky, M. E., Martynova, M. Yu. (eds.) *Evropa menshinstv – menshinstva v Evrope: Etnokul'turnye, religioznye i yazykovye gruppy* [Europe of minorities – minorities in Europe: ethnocultural, religious and linguistic groups]. Moscow: IEA RAN, pp. 150–155. (In Russ.).]
- Млечко, М. (2018) 'Республика Сербская Крайна – единственная возможность существования сербского населения на территории Хорватии в результате распада СФРЮ'. В: *Государства Центральной и Восточной Европы в исторической перспективе*: сб. науч. ст. по материалам III Междунар. науч. конф., Пинск, 30 ноября – 1 декабря 2018 г. Пинск: ПолесГУ, 3, сс. 187–193. [Mlechko, M. (2018) 'Respublika Serbskaya Kraina – edinstvennaya vozmozhnost' sushchestvovaniya serbskogo naseleniya na territorii Horvatii v rezul'tate raspada SFRY' [Republic of Serbian Krajina – the only possibility of the Serb population's existence on the territory of Croatia as a result of the dissolution of the SFRY]. In: *Gosudarstva Tsentral'noj i Vostochnoj Evropy v istoricheskoy perspektive: sbornik nauchnykh statej po materialam III Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii*, Pinsk, 30 noyabrya – 1 dekabrya 2018 g. Pinsk: PolesGU, 3, pp. 187–193. (In Russ.).]
- Риччери, М. (2009) 'Госуправление: реформы по-итальянски', *Современная Европа*, 4, сс. 46–58. [Riccheri, M. (2009) 'Gosupravlenie: reformy po-ital'janski' [Public administration: reforms the Italian way], *Sovremennaya Evropa*, 4, pp. 46–58. (In Russ.).]
- Романенко, С. (2009) 'Косово: история, характер и динамика конфликта', в: *Конфликт в Косово и международная безопасность*. Москва. сс. 15–58. [Romanenko, S. (2009) 'Kosovo: istoriya, harakter i dinamika konflikta' [Kosovo: history, character and dynamics of the conflict], in: *Konflikt v Kosovo i mezhdunarodnaya bezopasnost'*. Moscow. pp. 15–58. (In Russ.).]
- Панов, П. В. (2025) '«Уступать нельзя подавлять»: выбор государством политики в условиях угрозы сепарации', *Политическая наука*, 3, сс. 84–106. [Panov, P. V. (2025) '«Concede not suppress»: the state's choice of policy in the face of the threat of secession' [«Ustupat' nel'zya podavlyat'»: vybor gosudarstvom politiki v usloviyah ugrozy secessii]. *Political science*, 3, pp. 84–106 (In Russ.).] DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2025.03.04>
- Соколов, А. В. (2008) 'Сербо-черногорские отношения после распада СФРЮ (1992–2006 гг.)', *Imagines mundi: альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв.*, 6 (Сер. Балканика, вып. 1). Екатеринбург: Изд-во УМЦ-УПИ, сс. 140–153. [Sokolov, A. V. (2008) 'Serbo-chernogorskie otnosheniya posle raspada SFRY (1992–2006 gg.)' [Serbo-Montenegrin relations after the dissolution of the SFRY (1992–2006)], *Imagines mundi: al'manah issledovaniy vseobshchej istorii XVI–XX vv.*, 6 (Ser. Balkanika, no. 1). Yekaterinburg: Iz-vo UMTS-UPI, pp. 140–153. (In Russ.).]
- Сулимов, К. А. (2024) '«Насильно мил не будешь», или как принудительный изоморфизм провоцирует дивергенцию: случай итальянской региональной системы', *Вестник Пермского университета. Политология*, 18(3), сс. 126–136. [Sulimov, K. A. (2024) '«Nasyl'no mil ne budesh'», ili kak prinuditel'nyj izomorfizm provotsiruet divergenciyu: sluchaj ital'janskoy regional'noy sistemy' [«Love cannot be forced» or how coercive isomorphism provokes divergence: the case of the Italian regional system], *Vestnik Permskogo Universiteta. Politologiya*, 18(3), pp. 126–136. (In Russ.).] DOI: 10.17072/2218-1067-2024-3-126-136.
- Сулимов, К. А. (б.д.) 'Автономный регион Фриули Венеция Джулия (Италия)' [Электронный ресурс], *Атлас этнических региональных автономий*. URL: http://identityworld.ru/maps_aera/profile/friuli_venezia_giulia.pdf (дата обращения: 01.01.2024). [Sulimov, K. A. (n.d.) 'Avtonomnyj region Friuli Venetsiya Dzhuliya (Italiya)' [online] [Autonomous Region Friuli Venezia Giulia (Italy)], *Atlas etnicheskikh regional'nykh avtonomij* [Atlas of Ethnic Regional Autonomies]. Available at: http://identityworld.ru/maps_aera/profile/friuli_venezia_giulia.pdf (Accessed: 1 January 2024). (In Russ.).]

- Туров, Н. Л. (2014) 'Идеологический проект «Великая Албания» на современной политической карте мира', *Сравнительная политика*, 4 (16-17), сс. 39–44. [Turov, N. L. (2014) 'Ideologicheskii projekt «Velikaya Albaniya» na sovremennoj politicheskoy karte mira' [The Ideological Project «Greater Albania» on the Contemporary Political World Map], *Sravnitel'naya politika*, 4 (16-17), pp. 39–44. (In Russ.)].
- Шкель, С. Н. (2015) 'Политические партии в условиях авторитарной режимной среды: опыт постсоветского Казахстана', *Политическая наука*, 1, сс. 95–113. [Shkel, S. N. (2015) 'Politicheskie partii v usloviyah avtoritarnoj rezhimnoj sredy: opyt postsovetskogo Kazakhstana' [Political Parties in the Conditions of an Authoritarian Regime: The Experience of Post-Soviet Kazakhstan], *Politicheskaya nauka*, 1, pp. 95–113. (In Russ.)].
- Щербакowa, Ю. А. (2004) *Политический плюрализм и демократическое развитие Чехии и Словакии (конец 80-х – 90-е годы XX в.)*: монография. Москва: ИНИОН РАН, Отдел Восточной Европы, 100 с. [Shcherbakova, Yu. A. (2004) *Politicheskij plyuralizm i demokraticheskoe razvitie Chekhii i Slovaki (konets 80-kh – 90-e gody XX v.)* [Political Pluralism and Democratic Development of Czechia and Slovakia (Late 1980s – 1990s)]: monograph. Moscow: INION RAN, Department of Eastern Europe, 100 p. (In Russ.)].
- Albertazzi, D., Giovannini, A., Seddone, A. (2018) 'No regionalism please, we are Leghisti! The transformation of the Italian Lega Nord under the leadership of Matteo Salvini', *Regional & Federal Studies*, 28(5), pp. 645–671. DOI: 10.1080/13597566.2018.1512977.
- Albertazzi, D., Giovannini, A. and Seddone, A. (2018) 'No regionalism please, we are Leghisti! The transformation of the Italian Lega Nord under the leadership of Matteo Salvini', *Regional & Federal Studies*, 28(5), pp. 645–671. DOI: 10.1080/13597566.2018.1512977
- Bunce, V., Wolchik, S. (2011) *Defeating authoritarian leaders in postcommunist countries*. New York: Cambridge University Press. 386 p.
- Darmanović, S. (2006) Crna Gora – nova nezavisna država na Balkanu. In: *RefeRendum u CRnoj GoRi 2006*. Podgorica: Centar za monitoring Cemi, p. 16.
- Everet, Ju., Redzic, E. (2021) 'Seeking representation: the development of Hungarian minority parties in Serbia and Slovakia', *Полития*, 2(101), pp. 163–182. DOI: 10.30570/2078-5089-2021-101-2-163-182.
- Faguet, J. P., Shami, M. (2022) 'The Incoherence of Institutional Reform: Decentralization as a Structural Solution to Immediate Political Needs', *Studies in Comparative International Development*, 57, pp. 85–112. DOI: 10.1007/s12116-021-09347-4.
- Fjelde, H., De Soysa, I. (2009) 'Coercion, Co-optation, or Cooperation? State Capacity and the Risk of Civil War, 1961–2004', *Conflict Management and Peace Science*, 26(1), pp. 5–25.
- Gandhi, J., Przeworski, A. (2006) 'Cooperation, Cooptation, and Rebellion under Dictatorships', *Economics & Politics*, 18(1), pp. 1–26.
- Gerschewski, J. (2013) 'The Three Pillars of Stability: Legitimation, Repression, and Co-optation in Autocratic Regimes', *Democratization*, 20(1), pp. 13–38.
- Gleditsch, N. P., Wallensteen, P., Eriksson, M., Sollenberg, M., Strand, H. (2002) 'Armed Conflict 1946–2001: A New Dataset', *Journal of Peace Research*, 39(5), pp. 615–637.
- Groß, L., Grimm, S. (2016) 'Conflicts of Preferences and Domestic Constraints: Understanding Reform Failure in Liberal State-Building and Democracy Promotion', *Contemporary Politics*, 22(2), pp. 125–143. DOI: 10.1080/13569775.2016.1153285.
- Harris, E. (2007) 'Moving politics beyond the state: the Hungarian minority in Slovakia', *Perspectives The Central Euro-pean Review of International Affairs*, 28, pp. 43–62.
- Liu, A. H. (2017) 'Democracy and Minority Language Recognition: Tyranny of the Majority and the Conditional Effects of Group Size', *Democratization*, 24(3), pp. 544–565.
- Sambanis, N., Germann, M., Schädel, A. (2018) 'SDM: A New Dataset on Self-determination Movements with an Application to the Reputational Theory of Conflict', *Journal of Conflict Resolution*, 62 (3), pp. 656–686. DOI: 10.1177/0022002717735364.
- Schedler, A. (2006) The Logic of Electoral Authoritarianism. In: A. Schedler (ed.) *Electoral authoritarianism: The dynamics of unfree competition*. Boulder: Lynne Rienner Publishers, pp.1–23.

- Toft, M. D. (2003) *The Geography of Ethnic Violence: Identity, Interests, and the Indivisibility of Territory*. Princeton: Princeton University Press. 226 p. DOI: 10.2307/j.ctt7pgd3.
- Tokár, G. (2014) 'Autonomy in Slovakia – difficulties and problems', in Kántor, Z. (ed.) *Autonomies in Europe: Solutions and Challenges*. Budapest: L'Harmattan, pp. 141–150.
- Trumpy, A. J. (2008) 'Subject to Negotiation: The Mechanisms Behind Co-Optation and Corporate Reform', *Social Problems*, 55(4), pp. 480–500.
- Vergne, J.-Ph., Durand, R. (2010) 'The Missing Link Between the Theory and Empirics of Path Dependence: Conceptual Clarification, Testability Issue, and Methodological Implications', *Journal of Management Studies*, 47(4). pp. 736-759 DOI: 10.1111/j.1467-6486.2009.00913.x.

Статья поступила в редакцию: 30.06.2025

Статья принята к печати: 30.07.2025

COOPTATION, CONCESSIONS, AND THE RISK TO TERRITORIAL INTEGRITY: WHY DO REFORMS INTENSIFY ETHNOPOLITICAL CONFLICTS?

N. Borisova

Nadezhda Borisova, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Researcher, Department for the Study of Political Institutions and Processes, Institute of Humanities,
Perm Federal Research Institute of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Perm, Russia.
E-mail: borisova_nv@psu.ru (ORCID: 0000-0002-4516-0820).

Abstract

This article examines the institutional and agent-related factors behind the failure of concession reforms aimed at meeting the demands of ethnic self-determination movements (SDMs). Using a binary comparative analysis of four cases (Montenegro vs. Serbia, Friuli Venezia Giulia vs. Italy, the Albanian minority vs. North Macedonia, and the Hungarian minority vs. Slovakia), the study examines the politico-historical context, institutional conditions, structure and fragmentation of SDMs, elite dynamics, and cooptation strategies employed by ruling groups. The main focus is placed on the dynamics of interaction between the state and ethnic movements, the electoral and administrative strategies of elites, and the influence of institutional design on either the stability or recurrence of territorial conflict. The author demonstrates that even fully implemented reforms may fail to reduce conflict or threats to territorial integrity when SDMs are highly fragmented, external influence persists, or cooptation is used instrumentally. The study concludes that the complex role of political actors and the institutional context are decisive in the (in)effectiveness of concessionary reforms amidst ethnopolitical tensions.

Keywords: self-determination movements; threats to state territorial integrity; politico-institutional reforms; Montenegro; Serbia, Friulians; North-Macedonian Albanians.

Financial support: The research was carried out at the expense of the grant from the Russian Science Foundation № 23-18-00530, <https://rscf.ru/project/23-18-00530/> (project “Why are ineffective institutions borrowed? Managing political-territorial heterogeneity and ensuring the territorial state integrity”) at the Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.